

ББК 63.3(2)521

УДК 947

П.В. АКУЛЬШИН

P.V. AKULSHIN

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
КНЯЗЯ П.А. ВЯЗЕМСКОГО:
ФОРМИРОВАНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И МЕСТО
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

SOCIAL AND POLITICAL CREED
OF P.A. VYAZEMSKY:
FORMATION, CONTENT AND ITS PLACE
IN RUSSIAN POLITICAL HISTORY

Статья посвящена формированию и содержанию общественно-политических взглядов князя П.А. Вяземского. Этот представитель «золотого века» русской культуры сыграл важную роль в формировании консервативной и либеральной идеологии в России первой половины XIX в. Его общественно-политические взгляды можно охарактеризовать как «консервативный реформизм», который нашёл продолжение в идеологии и политической практике второй половины XIX – начала XX вв., в том числе и в деятельности П.А. Столыпина.

The article deals with the development and content of Prince P.A. Vyazemsky's social and political creed. This representative of the «Golden Age» in Russian culture played an important part in the formation of conservative and liberal ideologies in Russia in the first half of the 19th century. His social and political creed can be characterized as «conservative reformism», which later developed in the ideology and politics of the second half of the 19th and beginning of the 20th centuries. It also influenced P.A. Stolypin's activities.

Ключевые слова: князь П.А. Вяземский, история России XIX в., общественная мысль, общественное движение, либерализм, консерватизм, интеллектуальная история.

Key words: prince P.A. Vyazemsky, Russian history of the 19th century, social thought, social movement, liberalism, conservatism, intellectual history.

В 1879 г. зачинатель изучения общественного движения первой половины XIX в. в России А.Н. Пыпин писал: «До прошлого года в нашей литературе ещё действовал член того «Арзамаса», имя которого кажется уже преданием седой древности, – действовал один из младших современников Дмитриева, Озерова, Карамзина, Жуковского, старший современник и друг Пушкина, один из главных действующих лиц в первые годы «Телеграфа», потом это был один из друзей Гоголя и один из резких противников новой литературно-критической школы Белинского и всех его друзей и приемников, наконец, это был одно время товарищ министра, в этом качестве имевший влияние на официальное положение литературы и оставивший здесь добрую память» [17, с. 279].

Речь шла о князе Петре Андреевиче Вяземском (7 июля 1792 г. – 10 ноября 1878 г.), который вошёл в историю России, прежде всего, как поэт и литературный критик, друг А.С. Пушкина и целого ряда других представителей «золотого века» отечественной культуры (К.Н. Батюшков, А.С. Грибоедов, Д.И. Давыдов, В.А. Жуковский). Но, кроме того, он являлся заметной фигурой в общественно-политической жизни России первой половины

XIX в. К числу его единомышленников и друзей можно отнести таких министров Николая I, как Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, П.Д. Киселёв, С.С. Уваров, а его взгляды и настроения были типичны для значительного слоя образованного дворянства и государственных деятелей той эпохи.

Период становления общественно-политических взглядов Вяземского пришёлся на первые два десятилетия XIX в. Раннее бессистемное и жадное чтение книг из обширной библиотеки отца сделало Вяземского убеждённым поклонником французской просветительской литературы XVIII в. Все последующие жизненные впечатления и новые идеи накладывались у него на прочный базис идеалов «века Просвещения».

С юности Вяземский с большим уважением относился к литературному труду. Писатель в самом широком смысле этого слова, то есть человек пишущий и размышляющий, являлся для него тем идеалом, которому он стремился соответствовать всю жизнь. Это представление у него сложилось под влиянием Н.М. Карамзина, который вплоть до 1815 г. проводил каждое лето в подмосковном поместье Вяземских Остафьево, где им и были написаны первые восемь томов «Истории государства Российского». В формирование этого образа внесли свой вклад В.А. Жуковский и В.Л. Пушкин, старшие товарищи Вяземского в 1810-е гг.

Большинство произведений Вяземского посвящено вопросам литературной жизни, что не исключает их значение в контексте развития политической мысли. Яркое политическое звучание имели и многие поэтические произведения П.А. Вяземского. Некоторые из них, относящиеся к 1820–30-м гг. («Негодование», «Вольность», «Сибирякову», «Русский бог»), на протяжении дореформенной эпохи входили в состав крамольных произведений, распространяемых в рукописной форме. Их оппозиционный заряд был настолько велик, что сын поэта, князь П.П. Вяземский, в 1870-е гг. лично исключил из них ряд мест при публикации поэтического наследия отца в томах «Полного собрания сочинений».

Длительное время П.А. Вяземский вёл «Записные книжки», своеобразный дневник, куда заносил без оглядки на цензуру свои размышления о событиях и личностях, отрывки из прочитанного. Сохранилось 36 «записных книжек», которые охватывали период с 1813 г. и до конца жизни их автора. Важное значение для понимания взглядов самого П.А. Вяземского, а также эпохи, в которую он жил, имеет его обширное эпистолярное наследие, о котором он сам писал в 1830 г. в «Записной книжке»: «Вот моя ваканция: я рождён быть памфлетером. Мои письма, которые в некоторой части не что иное, как памфлеты» [3, с. 174].

В политическом развитии Вяземского, как и в жизни всего русского общества, важной вехой послужила Отечественная война 1812 г. Молодой поэт, известный только в относительно узком кругу друзей и литературных противников, стремился к общественной деятельности, направленной на благо Отечества. Своё представление о её возможных путях он изложил в небольшой рукописи «Мой сон о русском журнале». Предполагаемая «программа» состояла из трёх положений: 1) составить общество «из избранных наших писателей»; 2) «действовать на общее мнение, исправлять его, образовывать язык»; 3) важнейшим средством для этого это издание журнала [4, л. 1].

В качестве образца такого журнала автор называл издания Н.И. Новикова и выпускавшийся в 1791–1792 гг. П.М. Карамзиным «Московский журнал». Этот план П.А. Вяземский надеялся воплотить в жизнь в рамках возникшего в 1815 г. литературного общества «Арзамас», направив в 1817 г. своим петербургским друзьями конкретную программу журнала.

Членов общества «Арзамас» объединяли не только литературные симпатии, но и определённая политическая программа. Она состояла в постепенном преобразовании России и поддержке реформаторской политики императора, которую он пытался осторожно проводить не только в начале

своего правления, но и после окончания наполеоновских войн. «Почётными арзамасцами» на заседаниях назывались такие государственные деятели, связанные с реформаторским курсом императора Александра I, как И.П. Каподистрия и Г.фон Штейн. Но главной фигурой, которая воплощала общественные и нравственные идеалы «Арзамаса», был Н.М. Карамзин. Наиболее полно точку зрения «арзамасцев» на будущее развитие России выразил в 1816 г. А.И. Тургенев: «Его историю ни с какою сравнить нельзя... Не только это будет истиной начала нашей литературы, но история его послужит нам краеугольным камнем для православия, народного воспитания, монархического правления и, бог даст, русской возможной конституции» [19, с. 12].

Важным этапом в идейной эволюции Вяземского был период четырёхлетнего пребывания в Варшаве в 1817–1821 гг., где он участвовал в подготовке правительственных реформ в качестве чиновника канцелярии Н.Н. Новосильцева, выступая в роли соавтора конституционного проекта «Государственная уставная грамота Российской империи».

В своих отзывах о политических событиях в Европе он постоянно подчёркивал преимущества конституционного строя и представительного правления, доказывая, что это вполне может сочетаться с властью монарха. Характерен вопрос, который он ставил в декабре 1820 г. в письме А.И. Тургеневу: «Кто сказал <...>, что конституционное устройство не есть устройство в смысле монархическом, когда оно, напротив, теснейшими узами сопрягает монарха с народом» [15, с. 115].

Сохранилось два черновых наброска Вяземского, относящихся к периоду его пребывания в Варшаве, где он пытался сформулировать свои представления по вопросам государственного устройства: «Социально-экономический трактат» и «О Пруссии». По мнению их автора, существует два вида власти: «народная», при которой «между правителем и народом существует единство выгод и воли», и «тираническая», при которой правительство и народ имеют «разные выгоды» и «воли противоположные друг другу». Термины «государство» и «республика» Вяземский употреблял как равнозначные, противопоставляя друг другу не «республику» и «монархию», а «тиранию» и государство «общей воли», под которой понималось обеспечение «имущества, жизни и свободы каждого члена покровительством всех» и утверждение «общественной свободы и законной власти правления» [11, л. 2, 5 об-6].

Под конституцией Вяземский понимал не ограничение монархической власти, а юридическое упорядочивание отдельных элементов государственного управления. Он писал: «Без сомнения конституция необходима для Пруссии не столько для того, чтобы даровать то, чем она уже давно пользуется, как для того, чтобы устроить разнообразные части её народного духа, которые в теперешнее время метутся в каком-то хаосе». По его мнению, население Пруссии уже пользуется основными гражданскими свободами: «Пруссаки, хотя ещё не ограждены конституционной обнадёженностью, на деле свободны: их свобода основана на обычае и соизволении нынешнего короля, книгопечатание не стеснено, присутственные места решали с беспристрастием и часто противу властей» [5, л. 3 об.].

К периоду пребывания в Варшаве относятся и наиболее развёрнутые высказывания Вяземского по крестьянскому вопросу. Он был убеждённым противником крепостного права, постоянно обращался к одной и той же мысли: «По первому взгляду на рабство в России говорю: оно уродливо. Это нарост на теле государства» [3, с. 27]. В критике крепостничества Вяземский исходил из признания неотчуждаемых естественных прав личности. В письме к А.И. Тургеневу в декабре 1820 г. он доказывал, что «там, где учат грамоте, там от большого количества народа не скроешь, что рабство – уродливость и что свобода, коей они лишены, тоже неотъемлемая собственность человека, как воздух, вода и солнце» [15, с. 15]. Как и любой русский дворянин, он думал о возможности повторения «пугачёвщины». Эта угроза была для него ещё одним аргументом в пользу ликвидации крепостного права.

«Хотите ждать, чтоб бородачи топором разрубили этот узел? – писал он далее. – На вашем веку, может быть, праздник этот сбудется. Рабство – одна революционная стихия, которую имеем в России. Уничтожим его, уничтожим всякие предбудущие замыслы» [15, с. 16].

Вяземский пропагандировал идею освобождения крестьян в своих стихотворениях, оказывал помощь представителям «крепостной интеллигенции», которые пытались обрести свободу. Первый значительный шаг к «уничтожению рабства» Вяземский видел в создании общества из дворян для обсуждения путей отмены крепостного права. Обязательным условием в подготовке отмены крепостного права Вяземский считал то, «что хотя действие и срезание этого нароста (крепостничества. – П. А.) принадлежит правительству, но правительственные советования принадлежат, несомненно, помещикам» [1, с. 17]¹.

В последующие годы жизни Вяземский не делал развёрнутых изложений своих взглядов по проблемам государственного устройства и крестьянскому вопросу, но верность своим убеждениям начала 1820-х гг. сохранил.

Личный опыт Вяземского, полученный в Варшаве, показывал, что «союз между гражданином и трон» в том виде, как это ему представлялось, не получается. Формально конституция Царства Польского 1815 г. полностью реализовывала тот набор политических реформ, о которых мечтал Вяземский: она определяла принципы и порядок отправления верховной власти, провозглашала суверенитет народа; представительное правление в лице сейма было наделено законодательной властью; провозглашалось независимость судей и ответственность чиновников всех рангов за соблюдение законов; существовало избирательное право; гарантировались свобода печати, равенство всех перед законом и неприкосновенность личности. Учитывая, что в Польше крепостное право было отменено в 1807 г., можно сказать, что этот перечень исчерпывал не то, чего хотели в первой четверти XIX в. самые радикальные сторонники преобразований в России. Но реалии жизни польской столицы, где российский самодержец выступал в роли конституционного монарха, вызывали у Вяземского энергичный протест. Он был недоволен медлительностью императора и его приближенных в проведении реформ, но был готов это терпеть. Гораздо больше его негодовали дикие и зачастую бессмысленные проявления «административного рвеня». Объясняя свои настроения А.И. Тургеневу, он писал: «Для меня секира самовластия ничего: она действует на площади народной, и для того (т.е. потому. – П. А.) у нас нет жизни народной, общественной... Но бесят меня эти булавки самовластия, преследующие нас в самих убежищах, где мы думаем укрыться от железной руки правительства, бесит меня эта мелочная попечительность его, которая с глаз меня не спускает ни в кабинете моем, ни за столом приятельским. Я понимаю, что можно привыкнуть к мечу, висящему над головой вечно, но вечно сидеть на иголках невозможно... Иногда у меня кровь от этих булавок кипит как самовар... Эта запёкшаяся кровь – болячки моей независимости» [14, с. 222].

Главной идеей его публицистики была мысль об особой роли литературы в развитии общества. В крупнейшем опубликованном произведении этого периода – «Известии о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» – он писал: «Можно охладеть к удовольствию и к наслаждениям честолюбия; но какое сердце возвышенное не забьётся с живостью и горячностью молодости при священной мысли о пользе? А кто более писателя-гражданина может служить ей успехом! Побудитель образованности, вещатель истин высоких для народа, чувствований благородных, правил здравых, укрепляющих своёгосударственноебытиеголосомнаставлений, отражающего негодованием

¹О попытке создания этого общества см.: Вяземский П.А. Заметка о записке Каразина // Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1882; Кульман Н.К. Из истории общественного движения в России в царствование Александра I. Известия отдела русского языка и словесности АН. Т. 13, кн. 1. СПб. 1908; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. М., 1989.

или метким словом осмеяния, целитель пороков невежественных и предрассудков легкомысленных или закостенелых, сих язв заразительных, убивающих в народе начала жизни, писатель всегда бывает благотворителем сограждан, вожатым мнения общественного и союзником бескорыстным мудрого правительства» [8, с. 153].

О настроении Вяземского в «московский» период жизни, охватывающего 1821–1830 гг., можно судить по его переводу отрывка из книги французского либерального деятеля эпохи Реставрации Ф. Гизо «О правительстве Франции до современного министерства», работу над которым он начал ещё в Варшаве, а продолжил в Москве. Отмечая, что рассуждения французского историка «могут быть применимы и вне Франции», он выбрал то место из злободневной книги, где говорилось об оценке оппозиционных выступлений молодёжи. Как и французский либерал, он считал, что традиционные обвинения консерваторов по адресу молодого поколения пристрастны. Он призывал власть имущих: «Разберите поступки, коими подвергалась молодёжь в течение пяти лет и за кои строжайше была она обвиняема, вы уверитесь, что они проистекают от волнения нравственной потребности, которая с самого детства лишена пищи, порывается насытиться и усмириться бы удовлетворением». Вяземский не собирался выступать в роли ниспровергателя всех старых порядков и считал, что единственным разумным подходом может быть только один: «Внушайте молодым людям уважение к прошедшему, но не требуйте от них, чтобы они прошедшим ограничивались... Не должно запрещать ей ничего полезного, основательного: во всех случаях имеет она (молодёжь. – П. А.) право на Истину, на искание Истины» [7, л. 1-1 об].

На пути литературных трудов Вяземского к читательской аудитории стояла цензура. После увольнения со службы цензура для Вяземского стала едва ли не главным воплощением деспотизма и невежества в стране. Он же для этого ведомства был одним из самых беспокойных авторов, одной фамилии которого достаточно для особо придирчивого отношения к рукописи. В конце 1822 г. Вяземский предпринял беспрецедентный для его времени шаг – попытался вступить в борьбу с цензурными преследованиями, опираясь на нормы существовавших законов. Непосредственным поводом послужило запрещение цензором А.И. Красовским его очерка «О двух статьях», напечатанном в «Вестнике Европы». Вяземский подал жалобу в Главное правление училищ, в которой ссылаясь на статью 40 цензурного Устава 1804 г., предоставлявшую сочинителям и издателям право обжалования действий цензоров. По его мнению, запрещённое произведение не подпадало под требования ст. 18 и 19 Устава, направленных против публикации материалов, которые «оскорбляли личную честь граждан, благопристойность, нравственность», «ясно опровергали бытие Бога» или были направлены «против веры и Отечества» [2, л. 3 об]. Главное правление училищ рассмотрело жалобу Вяземского в мае 1823 г. и отклонило её, фактически уйдя в своём решении от поставленной в ней проблемы – права цензора и автора, границы власти первого. Так закончилась едва ли не единственная в эпоху Александра I попытка, действуя в рамках цензурного законодательства, выступить в защиту свободы слова.

Традиционно в отечественной историографии Вяземского оценивали как «друга декабристов» и «декабриста без декабря». Действительно основные этапы общественной биографии Вяземского в правление Александра I близко совпадают с хронологическими рамками основных периодов в развитии движения декабристов: активизация общественной деятельности после наполеоновских войн (1815–1817 гг.) – с деятельностью «Союза спасения»; варшавский период (1818–1821 гг.) – с деятельностью «Союза благоденствия»; московский период (1821–1825 гг.) – с существованием Северного и Южного обществ. Теоретические взгляды Вяземского в своей основе совпадали с идеалами членов тайных обществ, хотя в этот период и верховная власть в лице Александра I и его ближайших приближенных исходила

из этих же посылок. Все, что делал или пытался делать Вяземский как общественный деятель в десятилетие 1815–1825 гг., как и в предшествующий и в последующий периоды, почти целиком укладывалось в то, что предлагал делать своим членам Устав «Союза благоденствия». Но это объяснялось не влиянием тайной организации, а тем, что её Устав фиксировал те формы общественной активности, которые уже стали традиционными. Новым было то, что выдвигалась идея о необходимости тайного руководящего центра для организации такой деятельности. Будущие декабристы в своём развитии прошли два важных рубежа, отделивших их от других общественных деятелей, мечтавших об отмене крепостного права и реформах государственного устройства. Во-первых, это создание тайных политических обществ, которые должны были оказывать политическое влияние помимо правительства. Во-вторых, признание того, что можно и нужно действовать силой против существующей власти.

П.А. Вяземский и до, и после декабря 1825 г. отрицательно относился к этим идеям. По его собственному свидетельству, в Москве его пытались завербовать в члены тайного общества А.А. Бестужев и А.И. Якубович. Вяземский им отказал. Скорее всего, это происходило во второй половине 1824 года. В это время он отрицательно относился к самой идее создания тайных обществ, отвергая диктат и контроль над личностью, исходили ли они от правительства или от вождей конспирации. В связи с этими переговорами Вяземский отмечал в «Записной книжке»: «Я всегда говорил, что честному человеку не следует входить ни в какое тайное общество... Всякая принадлежность тайному обществу есть уже порабощение личной воли своей тайной воле вожаков. Хорошо приготовление к свободе, которое начинается закабалением себя» [3, с. 155].

Весьма скептически относился Вяземский к тому социальному слою, к которому принадлежали почти все члены тайных обществ – офицерской молодёжи. О её политических представлениях и умонастроениях он писал: «Головы военной молодёжи ошалели в волнении. Это волнение: хмель от шампанского, выпитого на месте в 1814 году. Европейцы возвратились из Америки со славою и болезнью заразительною: едва ли не то же случилось с нашею армиею? Не принесла ли она домой из Франции болезнь нравственную, поистине «французскую болезнь». Эти будущие преобразователи образуются утром в манеже, а вечером на бале». В 1829 г. он почти в тех же словах отозвался о флигель-адъютантах Николая I: «Вы... облачаете доверенностью гвардейского офицера, который созрел для государственных понятий на манежах или петербургских гостиных» [3, с. 23, 155, 207, 208].

Закономерным следствием таких взглядов стало отношение Вяземского к событиям декабря 1825 г. По отношению к осуждённым Вяземский проявил милосердие и благородство, стараясь, как мог, облегчить их участь. Некоторые из его отзывов, осуждающих власти, давно стали хрестоматийными. Но взятые сами по себе, без учёта всех мыслей Вяземского, они не передают сути его позиции. Хотя он возмущался самим ходом следствия и суда над декабристами, но необходимость и право вести на подавление восстания и наказания его участников под сомнение не ставил. Он записал в «Записной книжке»: «Правительство имело право и обязанность очистить, по крайней мере на время, общество от врагов настоящего устройства, и обширная Сибирь предлагала ему свои безопасные заточения. Других должно было выслать за границу, и Европа и Америка не устрашились бы наводнения наших революционеров». О руководителе восстания Черниговского полка Вяземский записал: «Муравьёв по одному возмущению своему уже подлежит казни, ожидающей государственных преступников». Точно так же он рассуждал о польском восстании 1830 г.: «Я уверен, что все это происшествие – вспышка нескольких головорезов, которую можно и должно было унять тот же час, как то было 14 декабря... Зачем же верные войска выступили из Варшавы?.. На что же держать вооружённую силу, если не на то, чтобы хранить порядок

и умирять буйства? Как бросить столицу на жертву нескольким головорезам, ибо нет сомнения, что большая часть жителей, то есть по крайней мере девять десятых, не участвовала в мятеже? Что вышло бы, если бы 14-го декабря государь выступил бы из Петербурга с верными полками?» [3, с. 155, 206].

Наиболее полным выражением политических взглядов П.А. Вяземского «московского периода» можно считать «Отрывок из биографии Каннинга», не завершённый, как и многие другие его произведения. По форме статья была откликом на смерть премьер-министра Великобритании, известность которого в Европе определялась в первую очередь его шагами по признанию независимости Греции и испанских колоний в Латинской Америке, которые нанесли смертельный удар политике Священного Союза. Для консервативных деятелей всей Европы фигура британского премьера стала воплощением разрушительных идей, получивших опору в государственной мощи Альбиона. Под пером Вяземского Дж. Каннинг выступал как идеал государственного деятеля, следующего требованиям «разума» и «духа времени», «человека, исповедующего правила политики великодушной и просвещённой» [9, с. 4].

В статье «Письмо из Парижа» Вяземский доказывал полезность народного представительства на примере одного из лидеров парламентской оппозиции в период Реставрации генерала М. Фуа. Он представил яркую картину парламентской деятельности героя наполеоновских войн: «Лучшая награда за заслуги и кровь, пролитую им в сражении, была для него доверенность сограждан и избрание в члены представительной палаты. На сем поприще развивались в войне дарования необыкновенные: красноречие мужественное, блестящее и пламенное, познания глубокие по всем предметам управления гражданского, равно и по предметам хозяйства политического. Как часто представитель славы Французской армии увлекал он слушателей порывами благородного негодования и живого участия, защищая выгоды своих сподвижников [8, с. 221]». В этих словах явно отражалось сравнение с судьбой уволенных из армии представителей русской военной славы. Таким, как А.П. Ермолов и М.Ф. Орлов, гражданское поприще в России того времени было закрыто.

В условиях, когда в России парламентская трибуна оставалась только далёкой мечтой, Вяземский постоянно обращался к мысли о роли литератора как носителя просвещения и выразителя общественного мнения. В качестве воплощения своего общественного идеала он называл французское общество «в царствование Людовика XV и Людовика XVI до начала революции», когда литераторы-просветители «всесовершенство влияние... имели не только на общую образованность народа, но и на частные мнения и привычки общества. Парижское общество было тогда республикою, управляемою олигархией сего города, составленною из умных людей и литераторов» [16, с. 268]. Реальное положение писателя в русском обществе Вяземский оценивал невысоко, замечая: «У нас в оном нет ему (писателю. – П. А.) места. По светскому уложению нашего общества, авторство не есть звание, коего представительство имеет свои права, свой голос и законный удел на съезде чинов большого света. Писатель в России, когда он не с пером в руках, не в книге своей, есть существо отвлечённое, метафизическое: если он хочет быть существом положительным, то имеет он ещё в запасе постороннее звание, и сия... роль затмит и перевесит главную» [8, с. 284].

Личный опыт Вяземского заставлял его разочаровываться относительно степени влияния литературы на русское общество и стремиться вернуться на государственную службу, на которой он надеялся реализовать свои политические идеалы на практике. В «Записке о князе Вяземском, им самим составленной» главное внимание было уделено описанию взаимоотношений автора с верховной властью. Рассказывая о своей службе в Варшаве, Вяземский подчёркивал, что он разделял взгляды, не чуждые императору Александру I. Только после изменения политического курса императора, который он отно-

сил к периоду конгресса Священного союза в Троппау, «из рядов правительства очутился я невольно и не тронувшись с места в рядах... будто оппозиции. Дело в том, что правительство перешло на другую сторону. В таком положении все слова мои (действий моих никаких не было), бывшие прежде в общем согласии с господствующим голосом, начали уже отзываться диким разногласием. Эта частная несообразность, несозвучность была большинством выдаваема за мятежничество» [3, с. 151].

Доказательства полезности и необходимости гласного выражения общественного мнения, даже если оно расходится со взглядами правительства, являлись ведущей темой «Записки о князе Вяземском...». Он постоянно обращался к этой мысли: «Неужели равнодушие есть добродетель, неужели гробовое бесстрашие в России может быть для правительства надёжным союзником? ...Мелкие прислужники правительства, промышляющие ловлей в мутной воде, могут... ему передавать сплетни и отравлять их ехидною примесью от себя. Но правительство довольно сильно и должно быть довольно великодушно, чтоб сносить с благодарностью даже несправедливые укоризны, если они внушены прямодушием» [3, с. 162].

Завершилась «Записка о князе Вяземском...» выражением готовности вернуться на государственную службу и быть одновременно и добросовестным чиновником и выразителем общественного мнения перед лицом правительства: «Мог бы я по совести принять какое-нибудь место доверенное, где употреблён бы я был для редакции, где было бы более пищи для умственной деятельности, чем для чисто административной или судебной... Я не хотел бы по крайней мере на первый раз быть действующим лицом, ...а лицом советовательным и указательным, одним словом, хотел бы я быть при человеке истинно государственным служебным термометром, который мог бы и ощутить и заставлять» [3, с. 164].

Вернувшись на государственную службу и, по собственному его выражению, «тянув лямку в департаменте», Вяземский не оставлял мысли о необходимости издания печатного органа для воздействия на общество. Летом 1830 г. он заносил в «Записную книжку»: «Хорошо воскресить бы журнал Новикова, предполагаемый журнал Фонвизина, журнал честного жандармства, в котором бездельники видели бы свои пакости, из коего правительство узнавало бы, что у него дома делается». Сам Вяземский был далёк от мысли, что подобное издание должно носить оппозиционный характер. Наоборот, он особо обращал внимание на то, что «в этом журнале не должно быть выходки современного либерализма, он должен быть издаваем в духе правительства, в духе нашего правления, если только не входит в дух его защищать служащих бездельников... Можно даже не трогать и даже не должно трогать злоупотреблений по законодательной и судебной части, одним словом, почитать корни, а касаться злоупотреблений по одной исполнительской, административной части, земской. И тут была бы большая польза. Гласность такое добро, что и полугласность божий свет. В тюрьме, лишённой дневного света, и тусклая лампада благоденствие и спасение» [3, с. 175].

Те идеи, которые владели Вяземским в 1820-е годы, остались неизменными - власть должна действовать, опираясь на закон, а не на произвол своих представителей; согласовывать свои действия с общественным мнением; поощрять развитие просвещения и печати как главного его носителя; обеспечить просвещённой части общества свободу «опубликования своих мыслей» в соответствии с существующими законами; свобода печати как форма реализации интеллектуальной собственности. В 1830-е годы изменилась та сфера, в которой он пытался их реализовать. От упований на независимую от властей деятельность журналиста и литератора он окончательно обратился к надеждам на усилия думающего о «благах страны» правительства.

Служба в Министерстве финансов, на которой он находился с 1830 г., позволила Вяземскому частично реализовать свои идеалы. С 1825 г. при Департаменте внешней торговли выпускалась «Коммерческая газета». Пер-

воначально это было сухое казённое издание, в котором помещались пре-йсканты, списки приходящих и уходящих кораблей и другие подобные материалы. После того, как в июле 1830 г. Вяземский стал её фактическим руководителем, «Коммерческая газета» стала более живой и разнообразной. Она имела успех у читателей. В 1825 г. тираж составил 433 экземпляра, в 1831 г. было распространено 934 экземпляра [13, с. 573].

Несмотря на успешную бюрократическую карьеру, в 1830-1850 гг. П.А. Вяземский был глубоко неудовлетворён своим положением, которое не позволяло воплотить в жизнь выношенные представления и идеалы. Он писал в «Записной книжке»: «Что дано мне от природы – в службе моей подавлено, отложено в сторону; призываются к делу, применяются к действию именно мои недостатки... Было бы это случай, исключение, падающее на мою долю, делать нечего, беда моя, да и только... Но дело в том, что это общее правило, и моё несчастье есть вместе и несчастье целой России» [3, с. 280]. Нелестно характеризовал Вяземский приближенных Николая I и личность самого монарха: «Нам следует опасаться не революции, но дезорганизации, разложения... Людовик XIV говорил: «Государство – это я!». Кто-то другой мог бы сказать ещё более верно: «анархия – это я!»» [3, с. 280].

Разочарование в практических делах Николая I и его приближенных сочеталось у Вяземского с отчуждением от новых явлений в общественной жизни. Весьма скептически он относился к охватившему образованную часть общества увлечению немецкой философией. В августе 1833 г. Вяземский писал склонному к ней А.И. Тургеневу: «Я именно просил тебя не впутывать меня в эту философию... Я не дам шиллинга за всего вашего Шеллинга не потому, что не уважаю его – уважаю всякое действующее лицо в сфере умственной деятельности; но потому, что не понимаю это и слишком стар, чтобы учиться понимать... Ты досадил мне своею немчурностью» [16, с. 249]. Он совсем не проявлял интереса к разного рода формам утопического социализма, ограничиваясь ироническими высказываниями: «Он (П.Я. Чаадаев. – П. А.) в Москве кажется сен-симонствует» [16, с. 236].

Все больший скепсис у Вяземского вызывала и российская печать, нравы которой считал достойными осуждения. Для Вяземского журнальная трибуна была способом распространения просвещения и местом гласного обсуждения важнейших общественных проблем. Действительность чем дальше, тем больше приносила примеры другого рода. На его глазах все больше набирало силу стремление к коммерциализации журнального дела, порождавшее самые грязные методы борьбы с конкурентами, готовность угождать самым тёмным вкусам публики, заискивание перед властью и другие нечистоплотные методы борьбы за рынок читателей и подписчиков.

В 1832 г. Вяземский ещё пытался выступить в защиту запрещённого журнала «Европеец» и его издателя И.В. Киреевского. Через два года он вполне сочувственно отзывался о закрытии властями «Московского телеграфа», а в 1836 г. – о запрещении «Телескопа». В 1834 г. Вяземский публично отказался от участия в «Библиотеке для чтения», а через два года писал: «Лакейский тон нашей критики усиливается с каждым днём все более и более. И вся эта лакейщина сосредотачивается теперь в лакейской Смирдина, за уничтожением прочих лакейских Телеграфа и Телескопа» [3, с. 84]. Через десять лет, в 1846 г., он замечал в связи со смертью Полевого: «Полевой имел вредное влияние на литературу... пагубный пример его переживёт и, вероятно, надолго. «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» издаются по образцу и подобию его. Полевой у нас родоначальник литературных наследников, каких-то кондотьери, ниспровергателей законных литературных властей. Он из первых приручит публику смотреть равнодушно, а иногда и с удовольствием, как кидают грязью в имена, освящённые славою и общим уважением, как, например, в имена Карамзина, Жуковского, Дмитриева, Пушкина. Белинский – Полевой, объевшийся белены» [3, с. 286].

Просвещённое дворянство, к которому он сам принадлежал, являлось для него главным и единственным носителем просвещения в России. Потомок Рюриковичей писал с гордостью в статье «О духе партии, о литературной аристократии»: «По ком знает и судит нас Европа, по ком признает нас народом, скоро догнавшим народы, временем нас опередившие? Но тем же аристократам, к коим должна принадлежать и литературная аристократия и которые, начиная от князя Кантемира до наших дней современников, были с честью и блеском представителями русского дворянства в кабинетах Монтескье, Вольтера, Шатобриана и в гостиных лучшего общества во всей силе и в просвещённом значении слова сего» [9, с. 162].

На протяжении 1840-1850-х гг. П.А. Вяземский побывал в Европе и на Ближнем Востоке. Это, как и опыт службы в Департаменте внешней торговли Министерства финансов, заставило его трезво посмотреть на противоречия жизни Запада. В вышедшей в годы Крымской войны книге «Записки русского ветерана 1812 г. о Восточном вопросе» он подверг критическому анализу внешнюю политику многих Европейских государств, в особенности Великобритании, Франции и Австрии. Вглядываясь во внутреннюю жизнь Европы, он заметил и быстрый рост сторонников радикального переустройства общественной жизни, которых он, как и многие современники, называл обобщённым словом «коммунисты». Их радикальная позиция, которая проявилась во время событий революции 1848 г., вызывала у него чувство тревоги. Он понимал, что они несут угрозу той Европе, с которой он был связан и своим социальным положением, и мировоззрением, и образом жизни.

Спасение России и от внутренних бед, и от происков государств Запада П.А. Вяземский видел в тех же мерах, о которых он мечтал в 1820-е гг. Весной 1848 г. Вяземский представил наследнику престола записку о цензуре. Её суть сводилась к тому, что «правительство должно в известном размере и в определённых границах допустить некоторый простор для выражений мнений и для рассмотрения общественных вопросов, с тем только, чтобы эти мнения и разрешения вопросов согласовывались с началами, признанными самим правительством» [12, с. 325].

Пройдёт десятилетие и эти же мысли он изложит в записке «О составлении нового цензурного устава», которую Норов направил 17 марта 1857 г. императору как программу действий Министерства народного образования. Первый тезис записки гласил, что «в настоящей литературе нашей нет, в собственном смысле, вредного и злонамеренного направления. Основные начала, на коих зиждется благосостояние государства, не нарушаются ею: то есть религия, верховная власть и чистота нравственности не оскорблены изложением мнений, способных потрясти тройственную святыню общественного порядка» [6, л. 1 б]. Главной практической мерой Вяземский считал создание правовой базы для цензурной деятельности, поскольку многочисленные инструкции и предписания по частным вопросам, изданные разными учреждениями, фактически отменили формально продолжающий действовать цензурный Устав 1828 г.

П.А. Вяземский стал последним из поколения государственных и общественных деятелей, которые начинали свой жизненный путь в первое десятилетие XIX в. носителями просветительских идей, а завершили в середине столетия как представители высшей бюрократии. Как можно охарактеризовать то общественно-политическое направление, к которому принадлежали Вяземский и его единомышленники?

П.А. Вяземский сыграл важную роль в распространении в России либеральных ценностей, но никогда не считал себя сторонником либерализма, который сложился в Европе к середине XIX в., а на отечественной почве – к концу этого столетия. Его политические единомышленники внесли большой вклад в формирование «теории официальной народности», но стремились к введению в России конституции, народного представительства и отмене крепостного права. Они считали себя «русскими европейцами»

и критиковали многие стороны современной им отечественной действительности, но были горячими патриотами России и сторонниками её самобытного развития. Можно вполне согласиться с мнением историка начала XX в. Е.И. Тарасова: «Этот кружок (членов Арзамаса. – П. А.) несколько позже – в 30-х гг. сыграл в истории русской общественнойственности крупную роль: он вдохновил своей идеологией императора Николая I, он же создавал его правительственную идеологию, так называемую «систему официальной народности», и он же, то есть люди, вышедшие из этого кружка, воспитали будущих славянофилов» [18, с. 228–229].

Пытаясь определить своё место в общественной жизни России, П.А. Вяземский писал в статье «Кое-что о себе и о других, о нынешнем и вчерашнем» за два года до смерти: «Карамзин был совершенно вправе написать обо мне, что я пылал свободомыслием, то сеть либерализмом в значении Карамзина. Не отрекаюсь от него и даже не раскаиваюсь в этом. Но либерализм либерализму рознь. Я и некоторые сверстники мои, в то время мы были либералами той политической школы, которая возникла во Франции с падением Наполеона и водворением конституционного правления при возвращении Бурбонов... Но из этого не следует, что мы, либералы того времени, были и ныне послушниками либерализма, который проповедуется разными Гамбетта, Флока, Рошфор и ими подобными... Нечаев тоже слышит либералом и почитал себя либералом» [8, с. 291–292].

Государственные и общественные деятели, к числу которых принадлежал и П.А. Вяземский, стремились сочетать принцип нерушимости монархической власти и привилегированного положения дворянства с теми реалиями, которые возникли в Европе в ходе бурных событий конца XVIII – начала XIX в. П.А. Вяземский и его единомышленники продолжили традиции «просвещённого абсолютизма» XVIII в., пытаясь сочетать реформы государственного строя и отмену крепостного права с сохранением внутренней стабильности и статуса России как великой европейской державы. Этот «консервативный реформизм» нашёл продолжение и в дальнейшей идеологии и политической практике второй половины XIX – начала XX вв., в том числе и в деятельности П.А. Столыпина.

Литература

1. Архив братьев Тургеневых. Вып. 6 [Текст] / Братья Тургеневы. – Пг., 1921. – 542 с.
2. Вяземский, П.А. Жалоба в Главное правление училищ на действие Петербургского цензурного комитета. Декабрь 1822 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 777. Оп. 1. Д. 4066.
3. Вяземский, П.А. Записные книжки [Текст] / П.А. Вяземский. – М., 1963. – 507 с.
4. Вяземский, П.А. Мой сон о русском журнале // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1032.
5. Вяземский, П.А. О Пруссии // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1052.
6. Вяземский, П.А. О составлении нового цензурного устава // Российский государственный исторический архив Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4629.
7. Вяземский, П.А. Перевод из книги Ф. Гизо «О правительстве Франции» // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1040.
8. Вяземский, П.А. Полн. собр. соч. Т. I [Текст] / П.А. Вяземский. – СПб., 1878. – VIII, LX, 355 с.
9. Вяземский, П.А. Полн. собр. соч. Т. II [Текст] / П.А. Вяземский. – СПб., 1879. – XVIII, 426 с.
10. Вяземский, П.А. Полн. собр. соч. Т. X [Текст] / П.А. Вяземский. – СПб., 1886. – 316, XV, 82 с.
11. Вяземский, П.А. «Социально-экономический трактат» [Текст] / П.А. Вяземский // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 195. Оп. 1. Д. 1076.

12. Гиллельсон, М.И. Вяземский. Жизнь и творчество [Текст] / М.И. Гиллельсон - Л., 1969. - 351 с.
13. Московский телеграф. - 1831. - Ч. 37. - № 4.
14. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1 : Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812-1819 [Текст] / П.А. Вяземский. - СПб., 1899. - IV, 729 с.
15. Остафьевский архив князей Вяземских Т. 2 : Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1820-1823 [Текст] / П.А. Вяземский. - СПб., 1899. - 971 с.
16. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3 : Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1824-1836 [Текст] / П.А. Вяземский. - СПб., 1908. - 364 с.
17. Пыпин, А.Н. Рецензия на: Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 1-2 [Текст] / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. - 1879. - № 12 - С. 279-282.
18. Тарасов, Е.И. Декабрист Н.И. Тургенев в александровскую эпоху [Текст] / Е.И. Тарасов. - Самара, 1923. - XVI, 452 с.
19. Тургенев, Н.И. Письма к брату С.И. Тургеневу [Текст] / Н.И. Тургенев - М. ; Л., 1936. - 588 с.